

ИЗЛУЧАТЬ СВЕТ!

Год издания 45-й | Пятница, 6 июня 1969 г. | Цена 1 коп.
№ 45 [5316]

ПОМНИШЬ, ты сидел на уроке и учитель сказал тебе:

— Будешь писать сочинение, прежде всего отбери главное, самое важное, что ты должен в нём сказать. Самое главное... Оно принимало каждый день разный облик. То это была трудная, никем не решённая в классе задача, ещё не взятый барьер в спортивных соревнованиях или незаконченная модель лайнера.

Но однажды среди всех вчерашних и сегодняшних забот к тебе пришла и уже больше не отступала от тебя большая забота, ты задумался: как жить в обществе людей, кого считать хорошим или плохим человеком, как отличить настоящего друга от врага? Мир вдруг стал для тебя огромным, в нём помещалась уже не одна твоя школа и не одна твоя спортивная площадка, и твой красавец лайнер был уже не единственным.

Ты знаешь, когда нам, людям старшего поколения, было столько же лет, сколько сейчас тебе, мы так же задумывались, с кого строить жизнь, кому подражать. Мы хотели видеть перед собой героев, обязательно героев, и не иначе! Наш вожацкий Саша — рабочий парнишка в футболке и трусиках, загорелый до того, что у него облезла кожа, в наших глазах был героем, мы любили его, но... уж очень в нём мало было романтизма, на наш взгляд. И когда он у костра читал нам письма Феликса Дзержинского, которые опаяли нас жаром глубокой веры в победу революции, мы, конечно же, не могли, ещё не умели объединить нашего Сашу с рыцарем революции Дзержинским. Мы только видели в пламени костра загорелое лицо Саши, слушали его голос.

— «...Быть светлым лучом для других, самому излучать свет — вот высшее счастье для человека, — читал Саша. — Жить — разве это не значит питать несокрушимую веру в победу?»

Помню, как Саша захлопнул книгу и сказал глухим от волнения голосом:

— Вот это был настоящий коммунист!

НАСТОЯЩИИ коммунист... Сколько раз потом мы слышали эти слова, и всегда они звучали как величайшая похвала человеку. Каждый раз слова эти относились к непохожим с виду людям: это был наш учитель литературы, председатель колхоза, которому помогал наш отряд, знаменитая лётчица, приходившая к нам на сбор. Это был ещё малоизвестный нам тогда, коренастый, живой, азартный

человек, которого мы, ребята из кружка планеристов, повстречали однажды в Калуге в Доме-музее Циолковского. Мы и не подозревали, что разговариваем с будущим конструктором космических кораблей, командиром тысячного отряда инженеров, техников и рабочих, которые поднимут к звёздам первого космонавта Земли.

К нам на сборы часто приходили люди, сами делавшие революцию. Одни были совсем старые, другие помоложе, но у всех у них была одна общая черта — они любили людей больше, чем самих себя. Они помогали нам оборудовать школу, привозили какие-то станки, обсуждали планировку спортзала. Им было всё интересно, до всего было дело.

Наша новая школа... Как они радовались её открытию, словно это им самим сделали такой подарок. Да и не только школа. Всё, что вокруг строилось, возникало из развалин, было для них победой над прошлым, наградой за долгие годы ссылки, за годы вдохновенного труда в пятилетки. Они надеялись на нас, они хотели, чтобы и мы впитали их веру. И они не ошиблись в нас. Когда пришло испытание и грянула война, рядом с поколением старших встало молодое племя. Выросшие мальчишки и девочки надевали шинели, закрывали своими сердцами амбразуры вражеских дзотов, их горящие самолёты пикировали на врага, уходили в разведку и не всегда возвращались обратно. Не вернулся и наш Саша с войны. За день до гибели Сашу приняли в партию коммунистов. Теперь-то мы точно знаем, как многому он нас научил. Он был светлым лучом для нас. Он излучал свет...

КАК-ТО Саша привёз к нам в лагерь человека, одетого в кожаную куртку. Мальчишки сразу же его окрестили комиссаром. Саша торжественно объявил, что у нас в гостях участник боёв за Мадрид, боец Интернациональной бригады, что он виделся с Долорес Ибаррури и Хосе Диасом. Что тут было! Мы кидали вверх наши «испанки», мы скидали кулаки в знак протеста против фашиста Франко.

«Комиссар» то улыбался, то хмурился и говорил, говорил, взволнованный воспоминаниями.

— Слушайте вы, зелёные яблоки! — говорил он нам. — Зелёными я вас зову потому, что вы ещё не созрели, но вы ещё созреете и поймёте, что нет ничего дороже на свете человеческого брат-

ства. Эх, если бы вы были в Мадриде 7 ноября 1936 года, когда наша Интербригада входила в город! Мадрид ждал боя. Накануне по радио объявили, что Франко предпримет новый штурм города. Мадрид запер. В полной тишине двигалась наша двухтысячная колонна по улицам. Многие ещё не знали, кто мы: вдруг враг прорвался? Неожиданно над колонной взметнулся «Интернационал». Он звучал на русском, французском, румынском, венгерском и немецком языках. «Интербригада пришла!» — пронеслось, как эхо. Люди обнимались, матери поднимали на руках детей. В небе над толпой кружились самолёты. Это были наши, советские истребители. Я задирал голову, чтобы лучше их рассмотреть. Сердце щемило от радости и гордости: вот он какой, мой народ, вот он какой...

«Комиссар» очень хорошо объяснил нам в тот вечер, что такое солидарность. Мы поняли: солидарность рабочих — это сила, связывающая руки убийцам. Вера в солидарность озаряла нашу юность. Она озаряет и ваше детство. Сейчас, когда вместе со взрослыми вы помогаете Вьетнаму и Греции, вы познаёте могучую силу солидарности. Помните, и тогда, и сейчас в первых рядах бойцов, искренне защищающих интересы рабочего класса, стояли и стоят коммунисты, самые верные, надёжные бойцы-ленинцы. Каждый коммунист — патриот своей страны и обязательно интернационалист.

КОММУНИСТЫ — единомышленники, у них один общий враг — империализм, они всегда держат связь и советуются друг с другом. Вот и сейчас в Москве собрались представители более 70 братских коммунистических и рабочих партий. Это люди трудной и завидной судьбы. Они рассчитают путь самому справедливому обществу на земле, они ставят самые смелые задачи и упорно решают их. Они продолжают дело Ленина. У коммунистов такая пламенная вера в победу, такая несокрушимая воля потому, что прекрасна цель — построить «коммунизм — истинное счастье человечества» (К. Маркс). Ради этого стоит работать, стоит, если потребуется, отдать жизнь.

Мы хотели бы, чтобы и ты стал бойцом великой армии коммунистов, таким же бесстрашным в борьбе за наши идеи. Чтобы и ты умел ненавидеть врагов и любить друзей так же страстно.

Пусть это будет в твоей жизни главным.

Эти ребята гордятся: их лагерь носит имя легендарного крейсера «Аврора». Тут всё как на настоящем корабле: не лестница — трап, не комната — кубрик, не кухня — камбуз...

А как обрадовались ребята, когда узнали, что на открытие лагеря к ним приехали авроровцы! Андрей Павлович Подлесный служил на «Авроре» с 1903 года. Во время Цусимской битвы матрос Подлесный (вы видите его на снимке справа) спас крейсер от гибели. Имя Андрея Павловича не раз упоминается в книге об истории «Авроры». Эту книгу матрос-ветеран подарил ребятам. Теперь она хранится в музее морской славы, который помогли оборудовать в лагере всеобщие матросы-авроровцы.

Заместитель командира корабля капитан 3-го ранга Анатолий Павлович Журавлёв и секретарь комитета ВЛКСМ Михаил Иванов вручили пионерам знамя революционного крейсера.

...Каждое утро будит юных авроровцев пионерский горн. А однажды этот горн позвонит ребят в путешествие по реке Рузе, в поход на шлюпках.

Счастливого плавания, юные авроровцы!

Фото Я. ШАХНОВСКОГО.

Московская область.

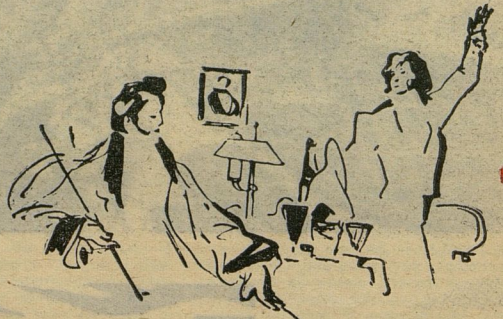
А.С. Пушкин

В начале лета, когда на псковской земле цветёт черёмуха, к нам приходит один особенный праздник — день рождения Александра Сергеевича Пушкина.

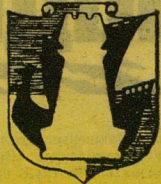
В Михайловском, на зелёной поляне перед усадьбой, собираются тысячи людей. Так было и в этом году, в день 170-летия со дня рождения великого поэта России. Выступали писатели, поэты, гости из-за рубежа, звучали бессмертные пушкинские строки... Были на празднике и ребята из всех окрестных сёл, деревень.

Недаром праздник этот называют народным — Всесоюзным пушкинским праздником поэзии. Стихи, музыка, рисунки художников посвящаются в эти дни Пушкину.

Сегодня мы печатаем новые работы художника Павла Бунина — иллюстрации к пушкинским произведениям «Капитанская дочка» и «Евгений Онегин».

ВЧЕРА В МОСКОВСКОМ ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ 18 СИЛЬНЕЙШИХ КОМАНД НАЧАЛИ БОРЬБУ ЗА ПРИЗ ЧЕМПИОНОВ МИРА

ШАХМАТИСТЫ 50 ТЫСЯЧ ДРУЖИН БОРОЛИСЬ ЗА ПРАВО ПРИЕХАТЬ НА ФИНАЛЬНЫЙ ТУРНИР ЮНЫХ

Огневая подготовка — ключ к победе в военно-спортивной игре «Зарница». Вот почему так сосредоточены юнармейцы на стрельбах. Восемьсот ребят из разных дружин Ярославской области были участниками финала. Лучшими в стрельбе оказались юнармейцы города Данилова. Многие ребята добились отличных результатов и получили значок «Меткий стрелок».

Фото С. ФУРИНА.

3. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Рис. Л. СМЕХОВА.

— Экспресс ми*, — пробормотала Елизавета Карповна и, взяв иглу с шёлковой нитью, стала накладывать швы.

Капитан застонал, открыл глаза, обвёл мутным взглядом склонившихся над ним людей и снова впал в забытие.

— Очень хорошо! Вы отличный парень, миссис Елизабет, быть вам генералом службы, — похвалил Чарльз. — А теперь введите ему пенициллин сто тысяч единиц.

Елизавета Карповна взяла в руки прозрачную, герметически закупоренную сынячку. Вот оно чудо — лекарство, получаемое из обычной плесени, о котором она так много слышала.

Елизавета Карповна проколола иглой тонкую металлическую пробку, ввела в сынянку спирт, поболтала и вытянула содержимое в шприц. Сделала укол. Паррот был ещё в забытии.

— А теперь отдохните, — предложил мистер Чарльз. Она медленным движением стянула со рта марлевую повязку.

— Я пойду взгляну на детей. — Сердце у неё бешено забилось. «Что с Антошкой, что с мальшом?»

— Олл райт! Вы нужны мне

* Извините (англ.).

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 33, 34, 36—40, 42—44.

будете утром. Спокойной ночи!

Елизавета Карповна поспешила к дочери. Ощупью искала дверь и не могла найти, и вдруг острая тоска по Антошке сжала сердце: казалось, что она потеряла её в этом тумане. Наконец нащупала ручку, толкнула дверь и побежала по коридору.

В кают-компании было светло и по-домашнему спокойно. Антошка сидела за столом и, прикусив кончик языка, вырезала что-то из картона. Джонни сидел перед ней на столе, загребал обеими руками кусочки мозаики и перекидывал их через голову. Пиквик, засунув нос под мышку, спал на диване.

— Потерпи, Джонни, скоро будет готов плясун. Мы будем петь тра-та-та, тра-та-та, а он будет отплясывать, — говорила Антошка по-русски, а Джонни повторял: — Та-а-а-а-а!

— Мамошка! — взвизгнула Антошка и бросилась к матери.

Джонни тоже потянулся к ней и чуть не свалился со стола. И Пиквик спрыгнул с дивана, зевая во всю пасть.

— Где ты была так долго? — спрашивала Антошка. — Что делала?

Занималась больными. И, кстати, знаешь, кто лежит в лазарете? Никогда не угадаешь. Мистер Паррот.

— А кто это? — недоумевающе спросила Антошка.

— Тот самый Паррот, капитан 3-го ранга, который сказал нам в Лондоне, что для того, чтобы плыть на военном корабле, женщина...

...должна быть по крайней мере королевой, — досказала Антошка. — Но как он очутился здесь?

Его миноносец потопила фашистская подводная лодка, а мистера Паррота спасли.

ОДНИ

Антошка проснулась от солнечного луча, который пробился че-

рез стекло иллюминатора и цекотал ей щёку. Мама уже встала. Она стояла возле спящего Джонни и с нежностью смотрела на ребёнка.

Мальш спал, размазав ручки. Рукава Антошкиного свитера были завернуты у его запястий большими пушистыми муфтами.

— Мамошка, мы возьмём Джонни к себе. Правда? Вы с папой его усыновите, и он будет моим младшим братом.

— А ты не подумала о том, что его мама, может быть, жива, и папа жив, и что у него могут быть братья и сёстры, тётки и дяди.

Антошка вздохнула. Мама, как всегда, права. Но жалко было расставаться с Джонни, нет, просто невысленно.

Через час в кают-компанию стали заглядывать свободные от вахты офицеры.

Явился и доктор Чарльз, как всегда, чисто выбритый, свежий. — Я был уже у наших больных, они в хорошем состоянии.

Елизавета Карповна пошла к мистеру Парроту, который помещался теперь в отдельной каюте.

Командир миноносца лежал на койке, вид у него был мрачный. Поднялся свежий ветер, парход сильно качало, капитан ёрзал по койке, не имея возможности ухватиться за бортик: руки у него были перевязаны.

— Как ваше самочувствие?

— Я попрошу пригласить ко мне мистера Эндрю. — Просьба командира звучала, как команда. — Что-нибудь случилось?

— Я взбешён! Но, пожалуйста, не примите этого на свой счёт, миссис. У меня к вам никаких претензий, кроме чувства благодарности. Мне нужен немедленно капитан.

— Сначала я введу вам пенициллин — это необходимо делать в точное время, затем прикреплю вас к койке ремнями, — невозможно ответила Елизавета Карповна, — после чего приглашу мистера Эндрю.

Командир покорился. Елизавета Карповна, не торопясь, совершила все процедуры, думая о том, что могло везать бьющего.

(Продолжение следует)